

ПОДВИГ ВЕРЫ

4-й выпуск из цикла, посвященного столетию убийства Новомучеников Церкви Русской

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК НИКОЛАЙ ПОПОВ

ВЕРХНЕГНУТОВСКИЙ

Ваше сердечное участие, какое Вы всегда выказываете к моей

жене? Как Вы находите все время среди Ваших забот? Если уже любовь и попечение отца-человека простирается до таких пределов, какова же любовь Первообраза нашего, Который и Сына Своего Единородного не пощадил, но предал на страдания за наши грехи. Следовательно, дальнейшее расстояние не прервало нашей нравственной связи, не уничтожило, даже не ослабило Вашего благодетельного влияния нравственного на нас, даже наоборот, как бы увеличило число случаев к тому, чтобы почерпнуть из этого обильного источника нравственной силы, идти к нравственному усовершенствованию».

Приход и чада духовные требовали постоянного труда и любви. Благодаря усилиям отца Николая и при материальной поддержке помещика Николая Ивановича Батырева в хуторе построили школу, которой присвоили имя Императора Николая II. Епархиальное начальство назначило отца Николая заведующим и законоучителем. При школе были организованы общежитие и сельскохозяйственная ферма.

нем также бесплатно. Позднее в хуторе появляется потребительская лавка.

Отец Николай пользовался большим авторитетом «и в приходе, и в окрестности, и среди духовенства, постоянно выбиравшего его делегатом на епархиальный съезд, и среди окружных кооператоров». Его избрали одним из делегатов епархиального съезда духовенства и церковных старост Донской Епархии, проходившего в сентябре 1909 года в Новочеркасске, он был делегатом Епархиального съезда в сентябре 1911 года.

За усердную службу и труды по школьному делу отца Николая наградили набедренником, за труды по народному образованию в церковно-приходских школах скуфьей. В 1898 году он был удостоен серебряной медали в память царствования Императора Александра III. 6 мая 1904 года Святейший Синод наградил его камиллавкой за усердие и труды по народному образованию в церковно-приходских школах, а 6 мая 1908 года — наперсным крестом за усердную службу по духовному ведомству.

О высокой оценке и признании его многотрудной работы свидетельствует то, что с 1 ноября 1906 по 1908 год отец Николай был цензором проповедей по Цимлянскому благочинию, а в декабре 1906 года епархиальное начальство определило священника на должность Цимлянского благочинного. В этой должности он находился по 12 января 1910 года.

Вся жизнь Николая Харитоновича Попова — пример духовного восхождения, благочестия, чистоты и веры. Наивысший подвиг его относится ко времени гражданской войны, в которой безошибочно определились духовное противостояние. С одной стороны — верность Церкви и традиционным российским ценностям, с другой — их поругание носителями революционной власти во главе с большевиками.

Как известно, Дон стал южным центром сопротивления власти большевиков с ноября 1917 года в условиях продолжавшейся Первой мировой войны. Хотя на Дону шло брожение, казачество разделилось, и часть его оказалась на стороне красных, все же подавляющее большинство казаков не выражало сочувствия большевикам. Советская власть не могла здесь укрепиться до начала 1920 года.

В эти годы братоубийственной войны отец Николай продолжал исполнять свои обязанности с той же преданностью и самоотверженностью, что и раньше. Однако в условиях многовластия, оторванности Дона от Святейшего Патриарха и Высшего Церковного Совета, перехода власти из рук в руки на его плечи легла новая ответственность. Церковь в хуторе Верхне-Гнутове продолжала оставаться духовным центром. По-прежнему отец Николай пользовался большим авторитетом. Казаки любили батюшку, верили ему и, конечно, «в трудную минуту они особенно прислушивались к его голосу». Как к героям, сочувственно относились его прихожане и к ушедшей в Степной поход маленькой армии партизан во главе с Походным атаманом Петром Харитоновичем Поповым. После гибели Донского атамана Анатолия Михайловича Назарова он фактически стал единственной законной властью в крае, ряды его армии пополнялись казаками, выступившими против большевиков.

Узнав о том, что брат отца Николая вернулся из Степного похода в Новочеркасске, освобожденный от красных 23 апреля 1918 года, «тотчас же гнутовцы нарядили своего батюшку к брату добывать оружие, пулеметов», как писал современник. Прежде всего, казаки стремились организовать защиту своих семейств, но многие поднялись на борьбу с красными и «полегли в честном бою, помня заветы своего батюшки».

Окончание на след. странице

17 июля 2006 года по представлению Ростовской-на-Дону епархии Священный Синод Русской Православной Церкви включил в Собор новомучеников и исповедников Российских XX века священника Николая Попова.

Николай Харитонович Попов родился 6 мая 1864 года в станице Урюпинской Войска Донского и крещен 9 мая 1864 года в Вознесенской церкви. Николай Харитонович был старшим сыном в большой и дружной семье донского казака, статского советника Харитона Ивановича Попова, по своим заслугам принадлежавшего к числу личных дворян, и Александры Петровны, дочери священника станицы Мигулинской Верхне-Донского округа. Имя Харитона Попова хорошо знали на Дону: историк, член Донского статистического комитета, редактор «Донской газеты», основатель и директор Донского музея в Новочеркасске, благотворитель.

С первых лет жизни Николай Харитонович был окружен родительской заботой. Своих десяти детей Харитон Иванович воспитывал в духе нравственности, религиозности, требовательности к себе и трудолюбия. Закономерно, что трое из них избрали путь духовного служения. Помимо отца Николая, священниками стали Александр и Иван. Генерал от кавалерии Петр Харитонович Попов прославился не только военными подвигами, но и трудами по истории. Много лет он возглавлял Новочеркасское Военное училище, затем был одним из авторитетных руководителей белого движения в годы гражданской войны. Дочери получили хорошее образование, двое вышли замуж за священников.

Николай Харитонович окончил шесть классов Новочеркасской классической гимназии, где проявил себя пытливым юношей, пользовался уважением среди товарищей. Потом изучал агрономию в Харьковском земледельческом училище.

Как известно, в 1881 году, после царевубийства Императора Александра II, широкие круги интеллигенции и, в частности, студенчества, отошли от политики. Хотя массовых проявлений оппозиционного движения не было, но небольшие группы, продолжавшие искать пути революционной борьбы с самодержавием, работали в подполье. В 1880-х годах в русской революционной среде стали распространяться марксистские идеи, которые постепенно проникали и в среду учащейся молодежи.

Многие из них, оторвавшись от родителей, от традиций своего детства, в новой среде, в большом городе, каким был, например, Харьков, переживали перелом в духовной жизни. Некоторые соученики Николая Харитоновича оказались под влиянием революционных групп, о чем свидетельствует его письмо к отцу от 18 ноября 1887 года: «Дорогой батюшка. Не знаю, извест ли Вас директор или нет о случившихся обстоятельствах, почему считаю нужным известить и несколько разъяснить.

Беда стряслась, кончилась довольно благополучно. Изменить свершившееся нельзя, а можно только загладить. Пострадали виновные и пострадали сильно; но вместе с ними пострадали более или менее невинные. Три товарища исключены за распространение подпольных книг, я же и некоторые другие обвинены в общении с ними. Я раньше был с ними не в ладах и помирился только в июне месяце. Какими-то судьбами меня впустили и наказали...».

Николаю Харитоновичу пришлось пережить карцер, лишение награды, отпуска (до Рождества он должен был находиться в Харькове), ему снизили отметку по поведению, и пришлось просить горячо любимого им батюшку не принимать случившееся близко к сердцу

и не огорчаться, «потому что ничего особенно важного нет». Училище Николай Харитонович окончил успешно. Вскоре он поступил в Донскую Духовную семинарию и окончил её 1893 году. Первым местом его духовного служения стала Успенская церковь Аксайской станицы. 1 октября 1893 года Попов был посвящён в сан дьякона. Около года он состоял также учителем и законоучителем Аксайской церковно-приходской школы.

Тем временем его приглашают в новый приход, в заброшенный в степи хутор Мигулинской станицы. В ноябре 1894 года Николая Харитоновича рукоположили в сан священника Успенской церкви хутора Колодезного Казанского благочиния, а также утвердили законоучителем и заведующим церковно-приходской школой.

В письме от 3 декабря 1894 года отец Николай делился с родителями первыми впечатлениями.

«Слава и благодарение Всеблагому и Всемилостивому Спасу и Господу нашему Иисусу Христу за премногие Его благодатные дары, которые Он изливает на нас

обильно. При Его Всесвятой благодати, как освящение храма, так и первые дни моего пастырского служения прошли весьма хорошо. ... Я сверх всякого ожидания, конечно благодаря невидимой помощи Господа, совершал службы без затруднений. В говорении проповедей и в наставлениях чувствовал себя свободно. Прихожане отнеслись с радушием и с большим доверием, последнее особенно сказалось в исповеди. Благодарят и с охотой исполняют всякие малые наставления. Церковь посещают с удовольствием ежедневно достаточное количество людей, даже из тех, которые уже отговелись на первой неделе.

Нравы простые и хороши, хотя, конечно, не безпорочны, они, впрочем, зависят от тех обязанностей, которые на них возлагаются государством. Кабак есть, но пьянство не развито, пьяниц мало. Из бесед с ними заключаю, что кабак нам будет трудно закрыть. Но все эти предприятия — дело будущего. Пока присматриваюсь и подробно буду вести беседы после...».

Его переписка с родителями — свидетельство глубокой взаимной любви: он обращался за благословением, советом и помощью как в делах личного характера, так и в вопросах, связанных с пастырским служением, со строительством церкви. В письме от 8 февраля 1895 года он пишет отцу: «Ваша заботливость о нас и наших нуждах не знает пределов, если же принять во внимание то, что у Вас чрезвычайно мало времени, ибо Вы заняты делами, и весьма часто важными, такая Ваша заботливость вызывает в нас не только чувство глубокой благодарности, а трогает да самой глубины души. С чем сравнить такую Вашу сильную исполнительность, так сказать, просьб, то

По оценке современника, «энергичный, прямой, честный и горячий батюшка завоевал любовь простых казаков, бедноты, низов, но не ко двору пришелся для верхов станичной администрации, помещикам, купцам». После шестилетней службы в хуторе Колодезном отец Николай вынужден был подать прошение о перемещении его в другое благочиние. В этой ситуации его радовала возможность передать церковь и школу младшему брату, отцу Иоанну.

Новым местом служения отца Николая стала Иоанно-Богословская церковь хутора Верхне-Гнутова Цимлянского благочиния. Верхне-Гнутов входил в состав Есауловской станицы Второго Донского округа, и здесь отец Николай прослужил много лет: с августа 1901-го по март 1919 года он являлся председателем приходского попечительства при церкви, состоял заведующим и законоучителем Верхне-Гнутовской, Соколовской и Бирюковской церковно-приходских школ, Елкинской, Соколовской и Бирюковской школ грамоты, был членом Второго Донского окружного отделения училищного совета.

Отец Николай работал неутомимо. В течение короткого времени в хуторе отремонтировали и украсили живописью церковь, появился хор, проводились воскресные чтения, построили новое школьное здание.

Наблюдательный, внимательный к нуждам простых людей, отец Николай делает все, чтобы им помочь. С этой целью он постоянно пополняет свои знания, выписывает книги, журналы. Вскоре начинает оказывать бесплатную медицинскую помощь, открывает в хуторе одно из крупных и первых в округе кредитное товарищество и работает в

ОНИ ВЫИГРАЛИ БИТВУ ЗА РУСЬ НЕБЕСНУЮ

Игуменья Павла (Липовская) 1927 год

Новые мученики Российские во главе с безвинно убиенной Царской семьей засвидетельствовали, что побеждать врагов Божиих можно и нужно смиреннием, кротостью, любовью и состраданием. Молитва за врагов — вот тот грозный меч, который разрушает пелену злобы, окутывающую сердца несчастных христорборцев. Новомученики и исповедники Российские победили. Расстрелянные и замученные в большевистских застенках, но ни на йоту не поступившие истинами православия, они выиграли битву за Святую Русь, за Русь небесную...

В Свято-Духовском монастыре Волгограда есть синодик, куда занесены имена священнослужителей Царицынской и Сталинградской епархии, пострадавшие в годы сталинских репрессий. Среди них значится и игуменья монастыря Павла (Липовская). Монашествующие и студенты Православного университета постоянно читают синодик и молятся о новых мучениках и исповедниках.

Епархиальная комиссия по канонизации святых, возглавляемая иеромонахом Климентом (Наумовым), собирает информацию о новомучениках и исповедниках Волгоградской области. Отец Климент и поделился с нами тем, что удалось узнать о настоятельнице Свято-Духовского монастыря игуменье Павле.

ПЕРВЫЙ АРЕСТ

Пелагея Петровна Липовская родилась в семье псаломщика 26 сентября 1878 года в селе Романовка Камышинского уезда (по другим данным — в 1878 году в Саратове, также указываются и другие годы рождения: 1875, 1877). С восьмилетнего возраста, оставшись сиротой, жила и воспитывалась в Камышине у бабушки. Позже Пелагея была определена в епархиальное училище за казенный счет, где находилась до 16 (19) лет.

Работала сельской учительницей в Саратовской губернии. В 1901 году по собственному желанию она поступила в Крестовоздвиженский монастырь в Саратове в качестве «рядовой сестры» (так

написано в деле). В этой же обители она проходила послушание при монастырской школе в качестве учительницы.

В 1913 году ее перевели в Царицын, где по истечении приблизительно годовичного срока она была пострижена в монашество с именем Павла и выбрана игуменья Царицынского Свято-Духовского монастыря. После закрытия монастыря игуменья Павла устроилась с другими сестрами на частной квартире в Сталинграде, добывая средства к существованию рукоделием и чтением Псалтири.

Первый раз игуменью Павлу арестовали в 1925 году. В протоколе допроса от 11 февраля 1925 т. г. еще упоминается город Красный Царицын, а место ее прописки — Саратов, но место постоянного жительства — Царицын, Донецкая, 49. В этот день она сказала следователю, что «никогда я против советской власти никакой агитации не вела и не намерена вести, так как при советской власти мне живется хорошо. Больше показать ничего не могу показание писано правильно с моих слов, в чем и подписываюсь» (протокол заполнен сотрудником ОГПУ, в конце имеется собственноручная подпись П. П. Липовской. Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация документов).

17 февраля 1925 года на допросе игуменья Павле опять задали вопрос об агитации: «Скажите, гражданка Липовская, приблизительно в конце января месяца сего года вы, будучи в Вознесенской церкви в ожидании вечерней службы вели беседу с кучкой женщин о пришествии антихриста указывая на то, что настоящая советская власть есть власть антихриста что вы это говорили сознательно или под влиянием каких либо обстоятельств?»

Она ответила: «В Вознесенской церкви я была в середине января и о пришествии антихриста я никому не говорила. Больше показать ничего не могу, показание писано правильно с моих слов в чем и подписуюсь».

Это единственные сведения по ее аресту в 1925 году, очевидно, она была отпущена из-за недостаточности доказательств об агитации против советской власти. В дальнейшем об этом деле будет упомянуто в 1927 году как о привлечении в административном порядке.

«АГИТАЦИИ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НИКОГДА НЕ ВЕЛА...»

Второй раз игуменья Павла была арестована 27 июля 1927 года по обвинению по ст. 58, п. 10 УК РСФСР. В анкете она указала такие сведения: место житель-

ства: Сталинград, улица Балтийская, 53; получила среднее образование, работала учительницей до 1918 года, в настоящее время работает по найму.

В протоколе допроса игуменья Павлы от 1 августа 1927 года имеется запись со слов обвиняемой: «Агитации против Советской Власти я никогда не вела и не введу. О церковных делах и вере я также ни с кем какого-бы то ни было характера, а в особенности с порицанием существующего строя не говорила. Переписки личной в этом году я не имела и не имею».

В протоколе допроса от 13 августа 1927 года есть интересные показания свидетельницы Евгении Васильевны Пономаревой, 59 лет, уроженки станицы Качалинской Сталинградского уезда, русской, малограмотной, рукодельницы, девицы, монашки до и после революции. На допросе она говорит следующее:

«Бывшую игуменью Царицынского Свято-Духовского монастыря Липовскую Пелагею Петровну знаю приблизительно лет 15, с момента моего поступления в вышеуказанный монастырь. По ликвидации этого монастыря мать Павла — Липовская Пелагея ушла на частную квартиру, взяв с собой меня и Агнию — монашку. Эта Агния — Скитина уехала от нас на родину в 1922 году, где и умерла. Но на ее место Липовской приглашена Мельникова Мария Ивановна, монахиня — Миропия. Теперь мы живем вновь трое. Источником нашего существования является занятие по рукоделию и кто что даст. Снимаем квартиру за пять рублей в месяц, которые выплачиваем с большим трудом. В общем, живем хуже, чем жили раньше в монастыре. Но агитации, как я, а также и мои коллеги-сожительницы не введут и не веди. Советскую власть признаем за настоящую власть. Предосудительного за матерью Павлой Липовской я ничего не наблюдала и не знаю. Затрудняюсь также сказать подробности о письме, которое было отобрано у Мельниковой Марии. Откуда она его достала и для какой цели дала меня не известно. Отобранные при обыске у матери Липовской Пелагеи письма принадлежат частью ей, а частью мне».

А вот показания обвиняемой Мельниковой Марии Ивановны (62 лет, уроженки села Ерзовка Сталинградского уезда, девицы, монашки, садовницы до и после революции) из протокола другого допроса — от 28 августа 1927 года:

«Монашествую я всего около 48 лет. Пастушила в монастыре будучи 15 лет, как сирота и прибывала там в плоть до революции. Все время я находилась в дубовском Вознесенском монастыре. В конце 1924 года я переехала на постоянное жительство в город Сталинград, к бывшей игуменье Царицынского Свято-Духовского женского монастыря Липовской

Пелагее (мать Павла) которую я знала хорошо. Липовская, видя мое бедственное положение, пригласила меня к себе и с тех пор я живу у нея. У нея в то время проживала монашка Помарева Евгения, которая живет и до сих пор. Средствами к нашему существованию служит наше рукоделие и пожертвования добрых людей, так как мать Павла — Липовская Пелагея имеет много знакомых. Живем мы все трое в проголодь, но на советскую власть не ропщем, хотя все?таки обидно, что на старость лет нас лишили права к возможности спокойно-беспечной жизни. Агитации против совласти я и мои сослуживицы не введут и ничего подобного среди населения нами не распространяется и никаких контрреволюционных действий мы не проявляем».

ТРИЖДЫ РЕАБИЛИТИРОВАННАЯ

Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ от 19 декабря 1927 года было вынесено постановление — приговорить П. П. Липовскую к лишению свободы сроком на один год, согласно ст. 6 амнистии от 06.11.1927 г. сократив срок наказания на одну четверть. Для отбывания наказания она была передана в ведение Сталинградского Губисправтрудома. По этому делу игуменья Павла (Липовская) была реабилитирована Волгоградской областной прокуратурой 30 июня 1997 года.

Третий раз ее арестовали уже в Саратове. В деле имеются такие сведения: Липовская Пелагея Петровна, 26.09.1878 г. р., уроженка с. Романовка Сталинградской области. Арестована 15.12.1935 г., осуждена по ст. 58.10 УК РСФСР 10.05.1936 г. к высылке в Казахстан сроком на три года. По этому делу реабилитирована 7 августа 1989 года.

Последний раз игуменью Павлу (Липовскую) арестовали уже после высылки в Казахстан. В деле есть такие данные: родилась в 1878 году, Сталинградский край, деревня Романовка, русская, образование среднее, санитарка, Каратаская детская поликлиника. Проживала: Южно-Казахстанская обл. (Чимкентская), Ленинский р-н, Ленинское село. Была арестована 27 декабря 1937 года Каратасским РО НКВД по ЮКО и обвинена по ст. 58.10 УК РСФСР. Приговорена тройкой НКВД по ЮКО 30 декабря 1937 года к ВМН (высшая мера наказания — расстрел). По этому делу игуменья Павла реабилитирована 7 мая 1989 года облпрокуратурой Чимкентской обл. (Указ ПВС СССР от 16.01.1989 г.)...

Хочется верить, что за молитвы святых новомучеников и исповедников Российских Господь воздвигнет в русской земле проповедников истины и любви Божией, истинных последователей Христовых.

С сайта «Волгоград Православный»

Окончание (начало на пред. стр)

Оккупация донских станиц красноармейцами сопровождалась проведением массового террора. Станицы и хутора подвергались разгрому, многие были сожжены, в огне заживо сгорали люди. И повсюду карательные экспедиции начинались с разгрома церквей. Был разрушен и храм в Колодезном, а сам хутор сожжен. Священнослужители оказались в положении преступников, врагов народа. По отношению к ним применялись всевозможные репрессивные меры, пытки и убийства с садистской жестокостью. В 1918-1919 годах в Донской области было убито около 30 священнослужителей. Среди них был и отец Николай Попов.

Накал гражданской войны возрастал, усиливалось и преследование священнослужителей, поэтому гнатовцы угрожали отцу Николаю, чтобы он уехал. Однако тот не оставил своих прихожан: во время эпидемии тифа переезжал из хутора в хутор, напутствуя умиравших. И сам тяжело заболел. Но, несмотря на это, в конце марта 1919 года, не выздоровев, отец Николай возобновил богослужения дома.

Жизнь в Верхне-Гнудове изменилась после установления советской власти. Местный революционный комитет постановил арестовать священника. Портрет его брата Петра Харитоновича оказался самой важной уликой во время обыска.

Отца Николая забрали в хуторское правление, но и в заключении он оставался духовным пастырем и, по свидетельству современника, «как древние апостолы обратил темницу в дом молитвы». За ним по-прежнему приезжали близкие умиравших от тифа казаков. В течение двух дней ему разрешили объезжать больных под конвоем. Местному комиссару это показалось обременительным, и он отправил отца Николая на суд революционного трибунала в станицу Морозовскую.

Об освобождении батюшки просили неоднократно, но ходатайства не помогли. Члены Морозовского ревкома, известные своим беззастенчивым расправами, лично участвовали в безчеловечных пытках и жестоких убийствах, проводили их даже у себя дома: «... Людей хватили ночью, приводили в сарай и здесь пьяные изощрялись, кто ловчее рубанёт шашкой или ударит кинжалом, пока жертва не испускала дух; всех зарезанных нашли под полом этого же сарая...».

26 марта 1919 года отец Николай из окна показал жене на песчаный карьер, что означало приговор «на пески», то есть высшую меру. Отец Николай смог передать из своего заключения записку. Зная о своей участи, он завещал детям простить палачей, просил, «чтобы они простили всё своим врагам, простили и его мученическую смерть».

Тело отца Николая родственникам не выдали. Лишь после освобождения станицы Морозовской среди сотен людей, замученных большевиками, одна из дочерей отца Николая узнала его — с разбитой головой и рассеченной шеей. В июле 1919 года местные газеты опубликовали информацию Отдела пропаганды Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России о том, что «5 июля в станице Морозовской погребено 200 трупов, преимущественно местных жителей, замученных большевиками...». В числе жертв, среди которых было три священника, упомянут отец Николай Попов. В этих сообщениях содержатся некоторые подробности. Все жертвы были избиты и, за исключением женщин, обнажены. Шестьдесят четыре убитых вырыли из песков за станицей Морозовской, а сто шесть найдены во дворе Любимовского правления в двух больших ямах, залитых цементом. В одной из газет отмечалось, что раскапывать ямы и переносить трупы заставляли жен большевиков.

Нужно внести поправку в текст сообщений ОСВага. Отец Николай не был похоронен в станице Морозовской. За его телом приехала траурная делегация верхне-гнудовцев. Об этом рассказывали членам Комиссии по канонизации Ростовской-на-Дону епархии старожилы хутора, бывшие прихожане Иоанно-Богословской церкви Варвара Георгиевна

Крылова и Евдокия Михеевна Дудакова. Они были маленькими девочками, но тот день запомнили на всю жизнь. По словам Евдокии Михеевны, «весь хутор вышел встречать его, я хорошо помню, и мы — детвора — тоже. Так ждали, как его везли с горы. Привезли, убрали и поставили в церковь...». После отпевания отца Николая похоронили у церкви за алтарём.

Через некоторое время матушка Зинаида Георгиевна и дети уехали из хутора. Дальнейшие судьбы матушки и детей — Феодоры, Елены, Юлии, Николая, Марии и Александры пока нам неизвестны.

В Верхне-Гнудове сохранился дом, в котором жил отец Николай с семьей. В этом здании ныне почта. Церковь и ограда вокруг разобраны в 1954 году. Некоторое время могила отца Николая сохранялась, но затем место упокоения батюшки сравнялось с землей.

Имя отца Николая стирали из памяти поколений, выросших под влиянием антирелигиозной пропаганды, но, несмотря ни на что, свет его личности и сила духовного подвига пробилась сквозь годы забвения. Теперь все верующие могут обратиться к нему с просьбой об усердной молитве «яко Начальника и Совершителя спасения, Русь Святую утвердити в Православии до скончания века» (Тропарь, глас 3).

Наталья Александровна Решетова «Донской временник»

Расписание богослужений в храме св. вмц. Параскевы

Начало вечернего богослужения ежедневно — 15:45

Начало утреннего богослужения

в будние дни и субботы — 07:45

Начало утреннего богослужения в воскресенье — 08:30

Большая просьба - не использовать данный выпуск для хозяйственных нужд!

Ответственный за выпуск: Куликов В.В.

Электронная версия размещена на сайте www.paraskeva-vlg.ru